

Даниил Андреев

РОЗА МИРА

Санкт-Петербург

УДК 141.339
ББК 86.42
А 65

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Андрея Саукова

ISBN 978-5-389-24915-8

© А. А. Окунев, правопреемник Д. Л. Андреева, 2024
© А. А. Андреева, наследник, статья, 2024
© Оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ЖИЗНЬ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА, РАССКАЗАННАЯ ЕГО ЖЕНОЙ

В давние времена — они кажутся давними по тому объему событий, что легли между нами и ними, — биографию начинали с перечисления предков. Вероятно, это внимательное всматривание в земные истоки личности имеет смысл.

Отец Даниила Андреева известный русский писатель Леонид Николаевич Андреев родился на Орловщине, на той удивительной русской земле, которая была родиной стольких — прекрасных и разных — русских писателей. По семейному преданию, отец Леонида Андреева был внебрачным сыном орловского помещика Карпова (имя пока неизвестно) и дворовой девушки Глафиры. Барин выдал девушку за крепостного сапожника Андреева — отсюда фамилия. Мать Леонида Николаевича Анастасия Николаевна — осиротевшая дочка разорившегося польского шляхтича Пацковского.

Матерью Даниила была Александра Михайловна Велигорская, по отцу — полька. Фамилия Велигорские — русифицированная форма родового имени одной из ветвей графов Виельгорских (правильнее — Виельгурских), лишенных титула и состояния за участие в восстании 1863 года. По женской линии Александра Михайловна — украинка. Ее мать, бабушка Даниила, — Евфросинья Варфоломеевна Шевченко. Фамилия Шевченко, вообще очень распространенная на Украине, не совпадение, а родство с Тарасом: Варфоломей Шевченко был его троюродным братом, свояком и побратимом.

Все эти родовые нити и сплелись 2 ноября 1906 года (нового стиля) в существе, появившемся на свет в Берлине: это был второй сын Леонида Николаевича и Александры Михайловны, названный матерью Даниилом.

Даниил Леонидович всегда был — даже до странности — равнодушен к своему происхождению, никогда не пытался проводить какие-либо генеалогические изыскания. То, что изложено здесь, — результат исследования (почти расследования) сотрудников Орлов-

ского литературного музея и киевлянки Ольги Васильевны Ройцыной, жены троюродного брата Даниила — Анатолия Мефодьевича Левицкого.

Грозно и ясно встала над колыбелькой новорожденного сама Судьба.

Двадцатилетняя, совершенно здоровая, любимая мужем Шурочка умерла вскоре после рождения второго сына от того, что тогда называлось послеродовой горячкой. Во многих воспоминаниях современников остался ее милый, светлый облик; осталось и описание того, какой трагедией была ее смерть для Леонида Николаевича. Иногда он предстает просто обезумевшим от горя. Новорожденного — причину смерти жены — он не мог видеть. Казалось, что ребенок обречен. Но в Берлин из Москвы приехала старшая сестра Александры Михайловны Елизавета Михайловна Доброва. Она увезла в Москву осиротевшее существо, в котором едва теплилась жизнь, и ребенок обрел чудесную семью. Эту семью иначе как родной нельзя и называть. До шести лет им неотрывно занималась мать Елизаветы и Александры — Бусинька, Евфросинья Варфоломеевна Шевченко. Волевая и властная, она пользовалась безоговорочным искренним уважением всех окружающих — близких и дальних.

Пожалуй, в современном нашем Вавилоне, с башнями, которые падают задолго до середины стройки, уже почти неразличимы облики прежних городов. А ведь каждый город имел свой неповторимый духовный облик, ложившийся печатью и на жителей его: тверичанин отличался от петербуржца, москвичи были иными, чем орловцы.

Детству и юности Даниила Андреева сопутствовала Москва.

Кремль, входя в который ребенок в любое время года снимал головной убор, невзирая на вопли няньки: он знал, что в Кремль иначе входить нельзя.

Храм Христа Спасителя. Напрасно спорить о его архитектурном совершенстве или несовершенстве — это был символ Москвы, и образ Белого Храма над излучиной реки неотделим от творчества Андреева.

Очень типичная для прежней Москвы семья Добровых жила в Малом Левшинском переулке. До шестидесятых годов там стоял двухэтажный домик, ничем не примечательный. Был он очень стар,

рассказывали, что пережил еще пожар Москвы в дни Наполеона. Такие дома в Москве так и назывались: донаполеоновские.

Добровы занимали весь первый этаж, а кухня и всякие подсобные помещения были в подвале, куда вела крутая и узкая лестница.

Входная дверь была прямо с переулка — большая, высокая, с медной дощечкой: «Доктор Филипп Александрович Добров». Войдя в дом, надо было подняться по нескольким широким деревянным ступеням, а встречало всех входящих огромное, во всю стену, очень красивое зеркало. Дальше большая белая, со стеклами дверь вела налево, в переднюю. Направо из передней была дверь в кабинет Филиппа Александровича, в котором позже жил его сын Александр Филиппович, потом это была комната Даниила Леонидовича, а еще позже — наша с ним, любимая, которая в книге «Русские боги» осталась в названии одной из глав: «Из маленькой комнаты».

Дверь налево из передней вела в зал. Его я уже застала разделенным занавесками на несколько клетушек, в которых ютилось все старшее поколение семьи: Филипп Александрович, Елизавета Михайловна и еще одна сестра — Екатерина Михайловна, по мужу Митрофанова.

Это произошло после революции, когда весь русский традиционный и отвечающий человеческим потребностям быт был изуродован «уплотнениями» и «коммуналками», не принесшими счастья никому, изуродовавшими не меньшее количество человеческих судеб, чем война, тюрьмы и лагеря.

А в счастливом детстве Даниила зал играл большую роль. Дом Добровых был патриархальным московским домом, а значит — хлебосольным и открытым. Открытым для очень большого количества самых разных, самых несогласных друг с другом людей, которых объединяли интеллектуальный уровень, широта интересов и уважение друг к другу.

Отголоски этого я еще застала, как застала огромный стол в передней части разгороженного зала, раздвигавшийся по праздникам при помощи вставных досок, по-моему, метров до пяти в длину.

Соседней с залом комнатой в прежние времена была спальня Филиппа Александровича и Елизаветы Михайловны, и у двери, разделявшей эти две комнаты, точнее, у замочной скважины торчал маленький Даниил, разглядывая и Шаляпина, и Бунина, и Скры-

бина, и актеров Художественного театра, и Горького, и еще многих, многих гостей Добровых.

Даниил не только любил Добровых — их любили все, — не только воспринимал эту семью как родную, но говорил много раз: «Как хорошо, что я рос у Добровых, а не у отца».

Детская комната Даниила располагалась дальше по коридору, ведущему из передней в глубину квартиры. Ее я уже не застала, только по его рассказам знаю, что вдоль всей комнаты на уровне детского роста висели нарисованные им портреты правителей выдуманной династии — отголосок поразившего детскую душу впечатления от «галереи царей» в Кремле: на потолке этой галереи были выложены мозаикой замечательные портреты Великих князей и Царей Московских.

Писать он начал очень рано, еще в детстве. Писал стихи и прозу: огромную эпопею, где действие разворачивалось в межпланетном пространстве. Планеты были не те, что нам известны, а все выдуманы. Они обладали собственными религиозными культурами, естественно основанными на сведениях, вычитанных из детского изложения греческих мифов, но с очень симпатичным собственным добавлением: кроме полагающихся по традиции богов Верховных, богов Войны и богинь Любви, там был еще и им придуманный бог Веселья.

До школы Даниил учился дома. У него был учитель, — к стыду своему, я забыла его имя, — очевидно, умный человек и талантливый педагог. Живой и шаловливый мальчишка по уговору с этим учителем смирял свой характер за две воскресные награды: если он всю неделю вел себя «хорошо» (вероятно, это понятие было очень растяжимым), то в воскресенье учитель рисовал ему одну букву индийского алфавита и вез его по Москве новым (для него) маршрутом трамвая.

Зная, какое веселое, ласковое детство было у этого избалованного, доброго, изобретательно-шаловливого мальчугана, удивительно звучит следующий рассказ.

Евфросинья Варфоломеевна, Бусинька, умерла, когда любимому внуку было шесть лет. Внук заболел дифтеритом, бабушка, ухаживая за ним, схватила тот же дифтерит. Внук выздоровел, бабушка умерла.

Выздоровливающий ребенок не видел ни ее смерти, ни похорон. Не знали, как ему об этом сказать.

Александра Филипповна, старшая дочь Добровых, взяла на себя трудное дело. Она стала рассказывать ребенку, что Бусинька в больнице, выздоравливает, очень его любит, но соскучилась по своей дочке, его маме. Для того чтобы с ней увидеться, надо умереть, но Бусинька беспокоится, как Даня к этому отнесется.

Постепенно старания Александры Филипповны привели к тому, что мальчик написал бабушке письмо, в котором отпустил ее к дочери, в рай.

Но тоска по бабушке, желание увидеть незнакомую мать и сложившееся в детской душе представление о смерти как дороге в рай привели к неожиданному результату. Летом после разлуки с Бусинькой Добровы и Даниил жили на Черной речке, где был дом Леонида Андреева (но не в этом доме), и мальчика поймали на мосту через речку, когда он собрался топиться — не от горя, а от страстного желания увидеть потерянных близких.

Детство сменилось отрочеством, которое совпало с революцией и разрухой. Жизнь стала трудной и голодной, каждая семья искала способов выжить. Ф. А. Добров составил какие-то необыкновенные дрожжи, очень полезные и пользовавшиеся большим спросом; они так и назывались: дрожжи доктора Доброва. По-видимому, их надо было пить, и непонятно, почему никто в семье, включая самого изобретателя, не сохранил рецепта...

Дрожжи сообразно с заказами по всей Москве разносили дети: Даня и Таня, его подруга с трехлетнего возраста, соученица по школе и друг до конца жизни, Татьяна Ивановна Оловяншникова, по мужу Морозова. Начав с этих «деловых» походов, Даниил потом всю свою юность бродил по Москве один, зачастую с вечера до утра.

Добровы были православной семьей. В доме праздновали все церковные праздники, соблюдали посты; но не было в них никакой нетерпимости: все соприкасающиеся с этой семьей были свободны в своих убеждениях, высказываниях и даже сомнениях.

Одним из близких друзей дома была актриса Художественного театра Надежда Сергеевна Бутова. Из ее ролей я знаю только роль матери Ставрогина в «Бесах». Вот она и открыла пятнадцатилетнему Даниилу глубину и духовную красоту православной обрядности, что он помнил с благодарностью всю жизнь.

Но религиозным он был не по воспитанию, не по традиции, а по всему складу своей личности.

Учился он в частной гимназии, которую окончил уже как советскую школу. Гимназия была основана Евгенией Альбертовной Репман и Верой Федоровной Федоровой. Помещалась она в Мерзляковском переулке и так и называлась — Репмановская.

Даниил очень любил гимназию, и, по-видимому, было за что любить. Об атмосфере, необычной для учебного заведения, говорит такой факт. После революции Евгения Альбертовна жила в Судаке, в Крыму. Больная, с парализованными ногами, она не имела средств к существованию. Поэтому бывшие ученики гимназии, окончившие ее в двадцатых годах, ежемесячно собирали для нее деньги. Так продолжалось до начала войны; большую роль в сборе этих денег играл Даниил.

Я думаю, что его мечта о создании особой школы — мечта всей жизни, нашедшая отражение в «Розе Мира» (воспитание человека облагороженного образа), — какими-то своими душевными истоками коренится в своеобразной атмосфере этой школы.

Эта мечта — создание школы для этически одаренных детей; не юных художников, биологов или вундеркиндов-музыкантов, а детей, обладающих особыми, именно этическими душевными качествами¹.

В одном классе с Даниилом училась девочка — я назову только ее имя — Галя, которую он полюбил в детстве и любил очень много лет. Она не любила его, и всю их юность и молодость отметила печать этих сложных отношений — глубокой дружбы и неразделенной любви. Позже был период и разделенного чувства, а то, что так расплывчато называется дружбой — глубокая душевная заинтересованность друг в друге, взаимное, лишенное всякого эгоизма желание добра, понимание, — сохранилось до самой его смерти.

Галя была человеком редкого благородства, обаяния и женственности. Ей посвящен цикл стихотворений «Лунные камни».

Здесь надо бы начать рассказывать о юности Даниила Андреева.

Но я не буду этого делать. Это несвоевременно. Очень темные и опасные круги прошел он в годы своей юности. Нет, не был он ни пьяницей, ни развратником, ничто темное в обычном смысле этого

¹ Насколько я знаю из рассказа Даниила, среди всевозможных затей двадцатых годов была похожая на эту. Известна судьба троих, связанных с чем-то вроде такой группы: один из них утонул, спасая тонущего; второй ушел в пещерный монастырь на Кавказе; третий заменил матери сына, ушедшего в монахи.

слова не присутствовало в его жизни. В этой жизни все наиболее существенное всегда лежало в плоскости иррационального. Главная тяжесть страшных дорог, пройденных им в юности, также была в плоскости нереальной. Если б не было этих темных дорог, не написал бы он многого, написанного им, — писатель пишет то, что знает своей душой; выдумывать ничего нельзя — не будет искусства в выдумке.

Ко времени юности относится его первая женитьба на сокурснице по Высшим литературным курсам, на которые он поступил после окончания школы. Женитьба была странная, и он, конечно, был очень виноват перед этой женщиной, что знал и всю жизнь помнил. А она ему заплатила за зло дружбой на всю жизнь. Она же и начала, много позже, хлопоты о его освобождении, а когда я вернулась из заключения — помогала мне хлопотать о нем.

Мне хочется отметить, что всю жизнь Даниила сопровождала искренняя, преданная дружба женщин.

Окончив литературные курсы, он понял, что печататься не будет. Никакие колебания, никакие затемнения души никогда не касались творчества, вернее — его правдивости. Места в советской действительности того времени Даниилу Андрееву — поэту — не было.

Выход нашел для него двоюродный брат, сын Филиппа Александровича Доброва — Александр Филиппович. Сам он, окончив архитектурный институт, не смог стать архитектором после перенесенного энцефалита и работал художником-оформителем. Он обучил Даниила Леонидовича писанию шрифтов, это давало возможность зарабатывать на скромную жизнь.

Писать же Даниил не переставал никогда.

Необычные черты личности определили и особенности его творчества.

Ощутимое, реальное — употребляя его термин — переживание иной реальности. Таким в пятнадцать лет было для него видение Небесного Кремля над Кремлем земным.

Ошеломляющее по своей силе и многократно испытанное переживание близости святого Серафима в храме во время чтения Акафиста Преподобному.

Предошущение образа чудовища, связанного с сутью государства, позже понятого им и описанного.

Ощущение, почти видение демониц, властвующих над Великими городами.

Мощное, полное счастья прикосновение к тем, кого он позже назвал Стихиялями, — прекрасным сущностям, духам земных стихий.

Отношение Андреева к природе нельзя назвать любовью к ней, понимая под словом «любовь» то, что обычно понимается: эстетическое любование и осознание живительности незагрязненной экологической среды.

Для него в прямом, а не в переносном смысле все кругом было живое: Земля и Небо, Ветер и Снег, Реки и Цветы.

Я помню, в какой восторг привела его признанием, что не сомневаюсь в реальном существовании домовых и дружу с ними — потому у меня дома и уютно...

Он ходил босиком всегда, когда только удавалось. Говорил, что совершенно по-разному чувствует Землю в разных местах. На мое возмущение: «Ну, Земля, это я понимаю, но что можно почувствовать на грязном городском асфальте!» — ответ последовал: «Безличное излучение человеческой массы, очень сильное».

Все, что написано в большом его труде «Роза Мира» о природе, пережито им непосредственно, как и в тех главах книги «Русские боги», которые посвящены этой теме.

Летом он бывал и под Москвой, и в Крыму, но больше всего любил уезжать в Трубчевск. К сожалению, я не помню, как он впервые туда попал. Но, раз попав, он навек был очарован этими местами. Он уходил в многодневные пешие путешествия, почти всегда один, босой, со скудным запасом немудреной еды (ел вообще мало) и курева — курильщик был заядлый. Ночевал в случайном стоге сена, в лесу на мху.

Эти путешествия откликнулись многими стихотворениями. А поэма «Немереча» — просто описание одного из таких странствий.

Мы познакомились в марте 1937 года. Познакомил нас человек, очень близкий и ему, и мне. Он по телефону вызвал Даниила на улицу. Мы подходили Малым Левшинским переулком к небольшому дому, а навстречу из двери этого дома вышел высокий, худой, стройный, несмотря на сутуловатость, человек с очень легкой и быстрой походкой. Шел сильный снег, и так я и запомнила: блоковский ночной снегопад, высокий человек со смуглым лицом и темными уски-

ми глазами. Очень теплая рука. Так он вошел в мою жизнь, а я вошла в добровский дом, как все его называли.

В 1937 году этот дом был таким: «старики Добровы» — Филипп Александрович, уже оставивший работу во Второй градской больнице и имевший небольшую частную практику; Елизавета Михайловна, по профессии акушерка, тоже уже не работающая.

Вместе с ними жила и третья из сестер Велигорских — Екатерина Михайловна. Она работала медсестрой в психиатрической больнице, считая, что душевнобольные больше всех нуждаются в заботе и доброте. Все трое, как я уже говорила, жили в большой комнате за занавесками, а передняя часть этой комнаты служила общей столовой, и там же стоял рояль, на котором по вечерам играл Филипп Александрович.

Кроме «стариков» и Даниила, в третьей комнате, принадлежавшей семье, жили дочь Добровых Александра Филипповна и ее муж Александр Викторович Коваленский, очень интересный человек, большого, своеобразного, какого-то «холодно-пламенного» ума. Переводчик Конопницкой, Словацкого, Ибсена, он сам был незаурядным поэтом и писателем. Не печатался. Читал написанное немногим друзьям. Все его произведения уничтожили на Лубянке, он и его жена были арестованы по нашему делу. В молодости Даниила Александр Викторович имел на него большое влияние, подчас подавляющее.

Добровы так и не отвыкли от привычки жить с открытой дверью. И была эта дверь открыта в переднюю, где проходили все жильцы квартиры и все посетители, а среди жильцов была и женщина, получившая комнату по ордеру НКВД. И потеряли они в 1937 году столько друзей в недрах Лубянки! Перечисление погибших было в одной из глав романа «Странники ночи», которая называлась «Мартиролог».

Этот роман Даниил Леонидович начал писать в 1937 году. До него работал над поэмой «Песнь о Монсальвате», в некоторой степени основанной на средневековых легендах. Эту поэму он не закончил и никогда больше к ней не возвращался.

С 1937 года, по существу, шла уже наша общая с ним жизнь, сначала как очень близких друзей, позже как мужа и жены.

Так, как жили мы, жил целый круг людей в те годы, поэтому я попытаюсь рассказать, какой была эта жизнь.

Подавляющее большинство жило в то время очень бедно. Почти все обитали в коммунальных квартирах, куда по большей части были насильно впихнуты совершенно чуждые люди, несовместимые друг с другом.

Сейчас говорят, что в то время были частые снижения цен. Возможно, этого я не помню; зато хорошо помню, как мы покупали масло в количестве ста граммов или кусочек колбасы — она действительно была очень вкусна, и сортов было много, только все на цену смотрели... А в провинциальные города посылали посылки с макаронами.

Но это было лишь фоном, на котором развертывалась настоящая жизнь. А ею, настоящей жизнью, были прекрасные концерты в Большом зале Консерватории; были встречи с друзьями — по три-четыре человека, с приглушенными (от соседей) беседами на самые, казалось бы, отвлеченные темы — для нас самые главные.

Даниил Андреев, пишущий поэму о Монсальвате, был не только понятен в своей захваченности этими образами, он был бесконечно дорог и необходим нам. Потому что для нас, русских — то есть частных российской культуре, — тема сокрытой святости, несущей духовную помощь жаждущим этой помощи в окружающем страшном мире, была, вероятно, самой драгоценной.

Возможно, поэтому и не шла в те годы в Большом театре опера Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии»: не только мы понимали насущность сокрытой святости, но и те, кто разрушал храмы — явные святости; кто преподавание истории в школах свел к тенденциозному рассказу о бунтах и революционных движениях, где за Спартакосом непосредственно следовали крестьянские войны в Германии; кто выламывал кресты на могилах Владимира Соловьева, Языкова и Хомякова.

Православная Церковь, с вырванными, как языки, колоколами, совершала Литургию. Нет слов, чтобы выразить преклонение перед этим немеркнущим подвигом, он не замутится никогда никакой внешней, наносной неправдой. Церковь пронесла тихий огонь свечей в руках, скованных кандалами.

А на концертах в Консерватории звучала музыка Вагнера, и там мы слышали звон колоколов Монсальвата, а в Большом театре даже шел «Лоэнгрин» — скорее всего, по недомыслию...

Не знаю, как описать ту атмосферу обессиливающего, тошнотворного страха, в которой жили мы все в те годы. Мне трудно очертить границы этого «мы», — во всяком случае, это все те, кого я знала.

Я думаю, что такого страха в течение столь долгого времени не испытывал никто во всей истории цивилизованного человечества. Во-первых, по количеству слоев, им охватываемых; во-вторых, потому, что для этого страха не надо было никакой причины. И конечно, по многолетней протяженности этого калечащего души ужаса. Неправда, что 1937 год («тридцать проклятый...» и т. д.) был самым страшным. Просто в этом году огромная змея подползла вплотную к коммунистам, вот и причина крика. А началось все с начала, с 1917–1918 годов.

Лично для меня ощущение этой удавки страха на горле, то ослабевающей, то затягивающейся, возникло в 1931 году, — мне было шестнадцать лет, когда арестовали моего дядю по процессу Промпартии. Полное ужаса ожидание — вот этой ночью придут за близкими! — знали все женщины. Многих, которые целыми ночами сидели, замерев в этом ожидании, или, рыдая, металась из-за получасового опоздания мужа с работы — взяли на улице! — просто уже нет в живых. А некоторые и сейчас боятся об этом рассказать.

Эта жизнь, очень реально описанная, была фоном сложного действия, развертывающегося в романе «Странники ночи».

В застывшей от ужаса Москве, под неусыпным взором всех окон Лубянки, ярко освещенных всю ночь, небольшая группа друзей готовится к тому времени, когда рухнет давящая всех тирания и народу, изголодавшемуся в бескрылой и страшной эпохе, нужнее всего будет пища духовная. Каждый из этих мечтателей готовится к предстоящему по-своему. Молодой архитектор Женя Моргенштерн приносит чертежи храма Солнца Мира, который должен быть выстроен на Воробьевых горах. (Кстати, на том самом месте, где выстроен новый университет.) Этот храм становится как бы символом всей группы. Венчает его крест, и присуща ему еще одна эмблема: крылатое сердце в крылатом солнце.

Руководитель, индолог Леонид Федорович Глинский (дань страстной любви Даниила к Индии), был автором интересной теории чередования красных и синих эпох в истории России. Цвета — красный и синий — условны, но условность эта понятна: синий как первенствование духовного, мистического начала, красный — преобладание материального.

Может быть, самая большая потеря, связанная с гибелью романа, — Москва, жившая в нем. Это не были описания Москвы того времени, а именно сам живой, многоплановый, трагический город!

На первом исполнении Пятой симфонии Шостаковича в Большом зале Консерватории встретились герои романа. Мы и правда были на этом концерте. В романе как бы «описывалась» симфония, часть за частью раскрывалось ее содержание, данное гениальным композитором через музыку. Какое счастье, что мы не были знакомы с Дмитрием Дмитриевичем! Не удалось бы ему отказаться от такой «расшифровки», потому что она была правильной, и написана Пятая симфония о том, как человеческую душу давит разнуждавшаяся стихия Зла и остается душе только молитва, которой симфония и заканчивается.

Ряд героев был развитием какой-либо стороны личности автора: индолог Глинский; поэт Олег Горбов; археолог Саша Горбов, совершенно по-андреевски влюбленный в природу. Он в начале романа возвращался из Трубчевска в Москву.

Роман, конечно, шел от традиции Достоевского, страстно любимого Даниилом Андреевым. Это не было подражанием Достоевскому, но проблемы романа были сродни проблемам романов великого писателя и по своей русскости, и по причастности этих проблем к общечеловеческим — о Добре и Зле и их проявлении в мире.

Даниил всегда приходил в гости с тетрадкой стихов или с новой главой романа. Однажды он сказал мне: «Лучшее, что во мне есть, это мое творчество. Вот я и иду к друзьям со своим лучшим».

Он был очень застенчив и совершенно не способен «блистать в обществе». Поэтому свою незаурядность мог проявить не непосредственно, а как бы отделив от себя, как это делает художник.

Война застала его за работой над «Странниками ночи». Он зарыл рукопись в землю и вернулся к стихам. Написал цикл стихотворений «Янтари», посвященный реальной женщине, — ее образ косвенно отражен был в романе. Работал над поэмой «Германцы», но не закончил ее — в конце 1942 года его мобилизовали.

Филипп Александрович Добров скончался за два месяца до начала войны. Елизавета Михайловна — осенью 1942 года, Екатерина Михайловна — в середине войны. Даниил, вернувшись, ее уже не застал.

По состоянию здоровья он был нестроевым рядовым. Сначала состоял при штабе формирующихся в Кубинке под Москвой воинских частей; позже, зимой 1943-го, в составе 196-й стрелковой дивизии шел ледовой трассой Ладоги в осажденный, страшный Ленинград. Но об этом написана его поэма «Ленинградский Апо-

калипсис», одна из глав «Русских богов», и незачем мне ее пересказывать.

После Ленинграда были Шлиссельбург и Синявино — названия, которые забываемы для людей, переживших войну, так же как Ельня, Ярцево и много других...

Служа в похоронной команде, Даниил Леонидович хоронил убитых в братских могилах, читал над ними православные заупокойные молитвы.

Подтаскивая снаряды, надорвался и попал в медсанбат. Там его и оставили санитаром; два человека постарались сохранить ему жизнь: начальник госпиталя Александр Петрович Цаплин и врач Николай Павлович Амуров.

В последние месяцы войны из действующей армии отзывали специалистов для работы в тылу. Горком графиков, членом которого он был как художник-шрифтовик, вызвал его с фронта, и последнюю военную зиму Даниил Леонидович служил в Москве, в Музее связи, художником-оформителем.

Конечно, имея возможность бывать дома, он вернулся к работе над романом. Когда рукопись романа была извлечена из земли, оказалось, что неопытный конспиратор зарыл ее очень плохо: написана она была от руки, чернилами, и чернила расплылись.

Он начал все сначала, теперь на машинке, кстати когда-то принадлежавшей Леониду Андрееву и случайно оставшейся в Москве. Переработанное произведение на глазах от главы к главе становилось значительнее.

По окончании войны близкие друзья Даниила, географы Сергей Николаевич Матвеев и его жена Мария Самойловна Калецкая, обеспокоенные нашей действительно вопиющей материальной неустроенностью, нашли для него неожиданную форму заработка. (Я, член Союза художников, не могла найти никакой работы, кроме изготовления копий.) Вместе с Сергеем Николаевичем Даниил написал небольшую книгу о русских исследователях горной Средней Азии. Со стороны Матвеева было имя уважаемого ученого и конкретный материал; со стороны Андреева — литературная обработка этого материала. Работа не была творчеством, это было честной, искренней, научно и литературно квалифицированной популярризацией.

Тоненькая книжка вышла в Географгизе, в 1946 году последовал следующий заказ: книга о русских путешественниках в Африке.

Даниил работал над этой тоже небольшой книжкой с горячим увлечением, хотя и разрывался между ней и романом.

Материал он разыскивал в Ленинской библиотеке. Однажды пришел сияющий и сообщил мне, что нашел сведения об африканской реке, названной именем Николая Степановича Гумилева.

Что Гумилев был любимейшим поэтом Даниила Андреева, рядом с Лермонтовым, Алексеем Константиновичем Толстым и Блоком, можно не писать — это ясно из стихов, да и не могло быть иначе.

Книжка о русских путешественниках в Африке была написана, набрана — и набор рассыпан. Больше я о ней ничего не знаю.

В апреле 1947 года Даниилу Леонидовичу было сделано странное предложение: лететь в Харьков вместе с двумя-тремя спутниками и прочесть там лекцию на материале своей еще не напечатанной книги о русских путешественниках. Что это было, мы так никогда и не узнали. Скорее всего, чекистская инсценировка с самого начала.

Рано утром 21 апреля за Даниилом приехала легковая машина, в которой сидел кто-то в штатском, безличного вида и, тоже в штатском, любезно суетившийся «устроитель». Я, стоя у дверей, проводила его. По дороге на аэродром его арестовали, а я получила из Харькова телеграмму, якобы за его подписью, о благополучном прибытии.

За мной пришли вечером 23 апреля. Обыск длился четырнадцать часов. Конечно, взяли роман — его и искали — и все, что только было в доме рукописного или машинописного. Утром увезли и меня — тоже на легковой машине.

Для характеристики атмосферы того времени: из всех жильцов квартиры в переднюю, когда меня уводили, вышла одна, Анна Сергеевна Ломакина, сама, как и ее муж, отсидевшая, мать маленьких детей. Она подошла ко мне, поцеловала и дала немного черного хлеба и несколько кусочков сахара. Я благодарно запомнила это — так не поступали от страха.

Даниила много раз забирали на Лубянку на два-три дня в предвоенные годы: была такая система превентивных арестов на дни советских праздников. На фронте тоже был какой-то вызов, о котором он вскользь рассказал.

Позже по «делу Андреева» взяли многих родных, друзей, знакомых. Потом к нашей «преступной группе» прибавляли уже и незнакомых, просто «таких же».

Героев на следствии среди нас не было. Думаю, что хуже всех была я; правда, подписывая «статью 206», то есть знакомясь со всеми документами в конце следствия, я не видела разницы в показаниях. Почему на фоне героических партизан, антифашистов, членов Сопротивления так слабы были многие из русских интеллигентов? Об этом не любят рассказывать.

Понятия непорядочности и предательства в таких масштабах отпадают. Многие из тех, кто оговаривал на следствии себя и других (а это подчас было одно и то же), заслуживают величайшего уважения в своей остальной жизни.

Основных причин я вижу две. Страх, продолжавшийся не одно десятилетие, который заранее подтачивал волю к сопротивлению, причем именно к сопротивлению «органам». Большая часть людей, безусловно достойных имени героев, держались героически короткое время и в экстремальных условиях по сравнению с их обычной жизнью. У нас же нормой был именно этот выматывающий душу страх, именно он был нашей повседневной жизнью.

А вторая причина та, что мы никогда не были политическими деятелями. Есть целый комплекс черт характера и правил поведения, который должен быть присущ политическому деятелю — революционеру или контрреволюционеру, это все равно, — у нас его не было.

Мы были духовным противостоянием эпохе при всей нашей слабости и беззащитности. Этим-то противостоянием и были страшны для всевластной тирании. Я думаю, что те, кто пронес слабые огоньки зажженных свечей сквозь бурю и непогоду, не всегда даже осознавая это, свое дело сделали.

А у меня было еще одно. Я не могла забыть, что напротив меня сидит и допрашивает меня такой же русский, как я. Это использовали, меня много раз обманули и поймали на все провокации, какие только придумали. И все же даже теперь, поняв, как недопустимо я была не права тогда, я не могу полностью отрезать «нас» от «них». Это — разные стороны одной огромной национальной трагедии, и да поможет Господь всем нам, кому дорога Россия, понять и преодолеть этот страшный узел.

И еще надо сказать: все, кого брали в более поздние времена, знали, что о них заговорит какой-нибудь голос, что существуют какие-то «права человека», что родные и друзья сделают все, что будет в их силах.

В те годы брали навек. Арест значил мрак, безмолвие и муку, а мысль о близких только удешевляла отчаяние.

Наше следствие продолжалось девятнадцать месяцев: тринадцать на Лубянке, во внутренней тюрьме, и шесть — в Лефортове. Основой обвинения был антисоветский роман и стихи, которые читали или слушали несколько человек. Но этого прокурору было мало, и к обвинению была добавлена статья УК 58-8, Даниилу Леонидовичу «через 19» — подготовка террористического акта, мне и еще несколькими «через 17» — помощь в подготовке покушения. Эта галиматья — дело шло о покушении на Сталина — была основана на вполне осознанном и крайне отрицательном отношении к Сталину, которое сейчас стало почти обязательным, но было у многих всегда. Неправда, что русский народ, готовый преклоняться перед кем угодно, весь поклонился Сталину, преклонялись в основном те, кому это так или иначе было нужно.

Реалистичность романа сыграла утяжеляющую роль. О героях его допрашивали как о живых людях, особенно об Алексее Юрьевиче Серпуховском, отличавшемся от остальной группы готовностью к действиям, а не мечтам. Именно Серпуховской не имел прообраза в окружении Андреева. Он был им почувствован, уловлен во всем трагическом мареве той жизни — его не могло не быть. Естественно, что понять процесс творчества писателя следственные органы не могли и упорно добивались — с кого списано. Тем более что, подчеркивая одновременно верную интуицию Андреева и бдительность «органов», чуть позже нас была арестована группа людей, которые могли бы быть и героями романа, и нашими знакомыми. Но не были.

Долго у нас искали оружие. Его тоже не было. Судило нас ОСО — «тройка». Это значит, что никакого суда не было и однодельцы друг друга не видали. Нас поодиночке вызывали в кабинеты и зачитывали приговоры. Даниил Андреев, как основной проходящий по делу (теперь это называется «паровоз»), получил двадцать пять лет тюремного заключения. Я и еще несколько родных и друзей — по двадцать пять лет лагерей строгого режима. Остальные — по десять лет лагерей строгого режима.

Андреев Д.

А 65 Роза Мира / Даниил Андреев. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 768 с. — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-24915-8

«Роза Мира» — главное произведение русской эзотерической литературы, созданное Даниилом Андреевым, поэтом и выдающимся мыслителем-мистиком, сыном известнейшего писателя начала XX века Леонида Андреева. Написанный на основе личного духовного опыта автора, этот оригинальный религиозно-философский трактат отмечен вдохновенным видением всемирного единства. В своих прозрениях того, что лежит «за гранью» обыденного опыта, автор стремится донести до читателя образ грядущей общемировой культуры, которую автор книги и именует Розой Мира.

Все созданное Даниилом Андреевым «об одном и том же: о структуре мироздания и о пронизывающей эту структуру борьбе Добра и Зла», — пишет его супруга и самый глубокий биограф Алла Александровна Андреева. В пронизанной теплым чувством статье «Жизнь Даниила Андреева, рассказанная его женой», предвещающей в настоящем сборнике трактат «Роза Мира», супруга писателя повествует о его жизни и творческом пути, увиденных глазами самого близкого человека.

УДК 141.339
ББК 86.42

ДАНИИЛ ЛЕОНИДОВИЧ АНДРЕЕВ
РОЗА МИРА

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректор Иван Игнатьев
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать / Баспага кол қойылды 12.01.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 2500 экз.
Усл. печ. л. 47,04. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ филиалы, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская жағалауы, 12-үй, А лит., Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

V-NFB-33900-01-R